

Летний лес наполнялся беззаботным щебетом птиц, и он вместе с белой лисой тоже был беззаботен. Не нужно было ни о чём думать, только наслаждаться дарами, которые эта земля дарует всему живому.

Среди птичьего хора раздавался странный, но приятный звук. Му Цинцзя прислушался и через некоторое время понял, что это был женский голос.

— Цзяэр потерялся! Цзяэр потерялся!

Акцент был странным, не похожим на человеческую речь, скорее напоминающим звонкий щебет птиц, «цзяцзя цзюцзю».

Белая лиса ускорила бег, и голос, зовущий их, то приближался, то удалялся, пока наконец они не оказались перед женщиной.

Она была одета в лохмотья, волосы растрёпаны, поведение казалось безумным, но её янтарные глаза, напоминающие цветы персика, были яркими и красивыми, хотя и с оттенком нервной тревожности.

Му Цинцзя соскользнул с белой лисы и бросился в её объятия, прижимаясь к её груди.

— Цзяэр. Цзяэр.

Безумная женщина крепко обняла своего ребёнка, которого, казалось, вернула из небытия. Она сжимала его так сильно, что костяшки её пальцев впивались в шею Му Цинцзя, почти лишая его дыхания.

Но он был счастлив.

Это была долгая тоска и невыразимая печаль.

— Мама.

Его голос был легче пера, словно он боялся разбить этот прекрасный сон.

Белая лиса опустилась на землю и коснулась носиком женщины, её длинные прозрачные усы щекотали её, заставляя смеяться.

Человек с умственной отсталостью не скрывает своих чувств, и у неё не было правил вроде «прикрывать рот рукой, когда смеёшься» или «не показывать зубы». Её смех был искренним и радостным, способным заразить всех, кто его слышал.

Му Цинцзя очень любил такую мать.

Он последовал за её движениями, расчёсывая шерсть белой лисы, наблюдая, как белоснежные пряди выскользывают у него из пальцев.

— Ты и есть Бессмертная Лиса? — спросил он детским голосом.

Белая лиса опустила голову, её зелёные глаза смотрели на него, не мигая, словно она хотела сказать многое, но всё уже было понятно без слов.

Горячий летний ветер дул, и лес весело пел свои песни. Му Цинцзя огляделся и понял, что они стоят перед храмом.

Чистый портал, аккуратные каменные плиты, ветер пролетал через чистые окна, принося аромат благовоний.

Надпись на деревянной крыше гласила: Храм Бессмертной Лисы.

Храм Бессмертной Лисы, каким он был в детстве Му Цинцзя.

...

...Му Цинцзя! Цинцзя! Старший брат!

Хриплый мужской голос раздался у него в ушах, и Му Цинцзя очнулся. Яркая сцена перед ним мгновенно поблекла, превратившись в белый фон и монотонные цвета пяти стихий.

Он отклонился назад, отодвинув лицо Хо Вэя подальше.

Хотя, кажется, он только что услышал, как Хо Вэй назвал его «старшим братом»?

Обычно Хо Вэй обращался к нему по имени, иногда просто «эй», а чаще всего вообще не утруждался называть его по имени.

Этот редкий и серьёзный «старший брат» был настоящей редкостью.

Хо Вэй вздохнул с облегчением и с раздражением сказал:

— Когда ты наконец избавишься от этой привычки впадать в ступор? Я думал... тьфу.

Му Цинцзя, увидев его напряжение, почувствовал дурное предчувствие. Он посмотрел вниз и увидел, что фигура старого деревенского старосты лежала на земле, обвитая красными цепями духовной ци.

{...Немедленно отпусти его!}

Хо Вэй забрал огненную духовную ци и объяснил:

— Я думал, он сделал что-то с тобой. С тех пор как зажгли благовония, ты был как в трансе, я, я...

Он не закончил фразу.

Му Цинцзя поспешил помочь старику подняться, но тот не стал упрекать их за грубость. Его глаза, скрытые под густыми бровями, впервые ярко отразили образ Му Цинцзя.

— Это ты, — сказал он ему. — Ты вернулся.

Неизвестно, имел ли он в виду деревянную статую, которую видел при пробуждении, или что-то другое.

Му Цинцзя вздохнул и через некоторое время написал: {Мне тоже очень хочется узнать, что произошло с Храмом Бессмертной Лисы за эти годы.}

Услышав это, старик опустил голову и вздохнул:

— Уже более двадцати лет никто не говорил со мной о Храме Бессмертной Лисы. Раз уж вы так

сказали, я постараюсь вспомнить и поделюсь тем, что знаю, пусть это и будут лишь слухи.

Му Цинцзя и Хо Вэй насторожились и стали внимательно слушать.

— Более пятидесяти лет назад, когда мои предки ещё трудились и жили здесь, Храм Бессмертной Лисы был очень популярен. Люди верили в её существование и считали, что она защищает деревню от бедствий, поэтому каждый месяц приходили сюда для поклонения.

Он посмотрел на Хо Вэя и сказал:

— Ты, наверное, помнишь Храм Бессмертной Лисы именно таким.

Хо Вэй кивнул.

Старик замолчал, словно копаясь в своих воспоминаниях.

— Позже, ровно пятьдесят лет назад, император проявил нечестивость, и небожители разгневались, наслав на землю небесный огонь. Этот огонь горел десять дней и десять ночей, и во всех Девяти Областях царили страдания.

Он сделал паузу и продолжил:

— Однако только в Янчжоу... только в окрестностях Деревни Бессмертной Лисы не было ни одного бедствия. Люди со всех сторон пришли сюда, чтобы укрыться, и благополучно пережили эти десять дней.

Старик обернулся и посмотрел на деревянную статую в храме.

— Тогда все жители деревни видели, как река Ин высохла, и вода поднялась в небо, остановив огонь. Все верили, что это было явление Бессмертной Лисы, и она защитила нас.

Он устал от воспоминаний и остановился, чтобы перевести дух.

Хо Вэй холодно сказал:

— Это был не небесный огонь. Это был демонический культиватор, сжигающий город.

Му Цинцзя невольно пошевелил пальцами.

Пятьдесят лет назад, демонический культиватор.

Он сам умер от огня демонического культиватора пятьдесят лет назад, и это, вероятно, произошло примерно в то же время, о котором говорил старик.

— Что случилось потом? — спросил Хо Вэй.

Старик продолжил:

— В тот год, когда упал небесный огонь, все дети, родившиеся в Деревне Бессмертной Лисы, были умственно отсталыми. Включая моего младшего брата, без исключения.

Му Цинцзя сразу вспомнил свою мать, но быстро отбросил эту мысль. Он сам умер пятьдесят лет назад, так что его мать должна была родиться в Деревне Бессмертной Лисы задолго до этого пожара.

Голос старика продолжал звучать в храме.

— В конце того года Храм Бессмертной Лисы внезапно рухнул. Сначала люди хотели восстановить храм, но каждый раз, когда они начинали строительство, происходили кровавые происшествия; или же храм рушился ночью, возвращаясь к своему разрушенному виду.

Старик перевёл дыхание и сказал:

— После нескольких таких попыток никто больше не осмеливался восстанавливать храм; спустя несколько лет некогда плодородные поля стали давать меньше урожая, и даже леса, которые раньше давали ценную древесину, начали увядать.

Он глубоко вздохнул:

— Сначала люди помнили старые заслуги Бессмертной Лисы и продолжали поклоняться ей; позже, когда поколение моего отца постепенно ушло из жизни, никто больше не верил в мои рассказы.

Он усмехнулся:

— Даже я сам считаю, что это всего лишь истории. Продолжать поклоняться Храму Бессмертной Лисы — это просто следовать заветам предков.

Трое замолчали, словно не желая прерывать эти долгие воспоминания. Му Цинцзя первым спросил:

{А были ли в деревне дети с умственной отсталостью после этого?}

Старик покачал головой:

— Только в тот год, больше не было.

Му Цинцзя хотел спросить о своей матери, но, подумав, что этот старый староста даже о делах своего отца знал лишь поверхностно, решил не продолжать.

Старик, наоборот, спросил их:

— Бессмертная Лиса действительно покинула нас?

Он всё ещё верил в Бессмертную Лису.

Му Цинцзя вспомнил белую лису из своих воспоминаний и вздохнул:

{Возможно. Я не знаю.}

Хотя, возможно, он скоро получит ответ.

Старик, увидев этот ответ, выглядел разочарованным, и Му Цинцзя улыбнулся ему:

{Спасибо, что рассказали всё это.}

— Это я должен благодарить вас, — сказал старик, улыбаясь. — Редко кто готов слушать такие рассказы о сверхъестественном.

Хо Вэй тоже кивнул в знак уважения.

Когда они уже собирались уходить, старик вдруг остановил Му Цинцзя.

— У меня есть одна вещь, которую я хотел бы подарить вам, уважаемый. Не откажете ли вы мне в этой просьбе?

{Вы слишком любезны.} — Му Цинцзя остановился.

Авторское примечание:

ООС сцена:

Цинцзя (восхищённо): Какая талия! Какая талия! Отличное ощущение, младший брат.

Хо Вэй (смущённо): Если будешь продолжать хвалить, я заставлю тебя лично почувствовать, что такое талия настоящего великого мужа.

Когда я писал эту сцену, в моей голове невольно возник образ Нэчжа из «Десяти тысяч шуток», который смущённо отшвыривает человека: «Ну хватит!»

Я пропал. Хо Вэй, прости меня!

<http://bllate.org/book/16250/1461268>